

Жизнь, похожая на бред, или дивный новый мир пандемии*)

Аннотация. С объявлением общемировой пандемии создается впечатление, что человечество оказалось в страшной антиутопии, которую раньше представляли только философы, фантасты и пророки. Ф.М. Достоевский в своих романах неоднократно описывал подобные антиутопические события и сценарии. Пророческий голос Достоевского свидетельствует нам, читателям XXI века, что пандемия – это не просто катастрофа, а грандиозная драматическая мистерия, через которую вершится Божье наказание греховного мира. Нынешние глобальные потрясения – это начальные звенья цепи мировых катастроф, описанных в книге Откровение. На наших глазах совершается переход от старого мирового порядка к новому – качественно иному типу цивилизации – глобальному пантоталитаризму. Пандемия-XXI дала парадигме тоталитарности второе дыхание, – это новая глобальная форма радикального зла, избавляющая нас от многих иллюзий.

Ключевые слова: пандемия, Фёдор Достоевский, постмодернизм, тоталитаризм, Божье воздаяние.

Abstract. With the announcement of a global pandemic, it seems that mankind has found itself in a terrible dystopia, which was previously represented only by philosophers, science fiction writers and prophets. F.M. Dostoevsky in his novels repeatedly described such dystopian events and scenarios. The prophetic voice of Dostoevsky testifies to us, readers of the 21st century, that a pandemic is not just a catastrophe, but a grandiose dramatic mystery through which God's punishment of the sinful world is accomplished. The current global shocks, are the initial links in the chain of world catastrophes described in the book of Revelation. Before our eyes, a transition is taking place from the old world order to a new – a qualitatively different type of civilization – global pantotalitarianism. Pandemic XXI gave a second wind to the paradigm of totalitarianism – it is a new global form of radical evil that rid us of many illusions.

Keywords: pandemic, Fedor Dostoevsky, postmodernity, totalitarianism, God's punishment.

Владислав Аркадьевич Бачинин, известный христианский философ, доктор философских наук, профессор, культуролог, автор ряда книг и многочисленных статей (Санкт-Петербург, Россия).

*) Статья Владислава Бачинина публикуется в сокращении; полный текст статьи см.: <https://gazeta.mirt.ru/stat-i/obschestvo/post-2477/?fbclid=IwAR1pDdtdsBFwMG-GyxhpYtEG2JYsTKkxfieKHBRw-3CiVT1F99MzGWYUZCM>

«Перед Богом весь мир виновен!»

Рим. 3:19

«Весь мир — тюрьма»

Шекспир, «Гамлет»

Собъявлением общемировой пандемии создается впечатление, что человечество оказалось в страшной антиутопии, которую раньше представляли только философы, фантасты и пророки. Неудивительно, что в памяти, с неотступной навязчивостью всплывает эпилог «Преступления и наказания», где Достоевский описывает сновидение больного Родиона Раскольникова:

«Ему грезилось в болезни, будто весь мир осужден в жертву какой-то страшной, неслыханной и невиданной моровой язве, идущей из глубины Азии на Европу. Все должны были погибнуть, кроме некоторых, весьма немногих, избранных. Появились какие-то новые трихины, существа микроскопические, вселявшиеся в тела людей...»

Нас, читателей XXI века, живущих как бы внутри сбывшегося раскольниковского кошмара, поражает почти буквальное совпадение жуткого писательского вымысла с тем, что происходит в нашей нынешней жизни. Картины реальности, одна чудовищнее другой, загоняют в ступор и ум обывателя, и мысль интеллектуала. Иной раз хочется ущипнуть себя и спросить: «Это бред или явь?» Миллиарды вполне разумных людей, запертые ковид-пандемией в проблемные лабиринты, не перестают задавать себе все те же «проклятые» вопросы: «Что с нами происходит?», «Кто виноват?» и «Что делать?».

Одна из причин постоянных сбоев в работе рассудка и разума коренится в том, что и в романе Достоевского, и в нынешней драматической коллизии мировой истории разворачивается не обычная эпидемия. Из окон своих жилищ мы наблюдаем даже не начало некоей глобальной биологической войны всех против всех, а нечто дьявольское по своей сути, замыслу, направленности и разрушительной силе, убивающее не только человеческие тела, но и души, творящее из одной части землян каких-то на все согласных «овошей», а из другой — на все готовых зверолодей.

Те демонические трихины, о которых пишет Достоевский, — это вирусы не только биологические, но и духовно-социальные. Они превращают зараженных людей в одержимых, поскольку являются не просто микроорганизмами, но злыми духами, наделенными умом и волей.

«Люди, принявшие их в себя, становились тотчас же бесноватыми и сумасшедшими. Но никогда, никогда люди не считали себя такими умными и непоколебимыми в истине, какими считали зараженные. Никогда не считали непоколебимее своих приговоров, своих научных выводов, своих нравственных убеждений и верований».

«Трихины» ницшеанства, марксизма, фрейдизма, коммунизма, расизма, тоталитаризма и т. д. по сей день разносят по земле множество разновидностей умственной, идейной, идеологической заразы. Нам выпало быть современниками, созерцателями и непосредственными участниками распространения еще одного типа планетарной демонической реальности, именуемой пандемией. Сегодня ее «трихинами», называемыми коронавирусами, пропитан воздух. И поневоле приходит на ум уже Пастернак:

А в наши дни и воздух пахнет смертью:
Открыть окно — что жилы отворить.

Но даже если не открывать окна и жить затворниками в безвылазном карантине, в полной самоизоляции, то надеяться на спасение от трихин-вирусов все равно не приходится. Мировые СМИ, словно гигантские насосы, денно и нощно закачивают в человеческие жилища отравленный дух распада, пропитанный миазмами физической и духовной смерти.

Федор Михалыч и на этот раз оказался провидцем:

«Целые селения, целые города и народы заражались и сумасшествовали. Все были в тревоге и не понимали друг друга, всякий думал, что в нем в одном и заключается истина, и мучился, глядя на других, бил себя в грудь, плакал и ломал себе руки. Не знали, кого и как судить, не могли согласиться, что считать злом, что добром. Не знали, кого обвинять, кого оправдывать. Люди убивали друг друга в какой-то бессмысленной злобе. Собирались друг на друга целыми армиями, но армии, уже в походе, вдруг начинали сами терзать себя, ряды расстраивались, воины бросались друг на друга, кололись и резались, кусали и ели друг друга. В городах целый день били в набат: созывали всех, но кто и для чего зовет, никто не знал того, а все были в тревоге. Оставили самые обыкновенные ремесла, потому что всякий предлагал свои мысли, свои поправки, и не могли согласиться; остановилось земледелие. Кое-где люди сбегались в кучи, соглашались вместе на что-нибудь, клялись не расставаться, — но тотчас же начинали что-нибудь совершенно другое, чем сейчас же сами предполагали, начинали обвинять друг друга, дрались и резались. Начались пожары, начался голод.

Все и все погибало. Язва росла и подвигалась дальше и дальше».

Динамика мутаций нашего мира привела к тому, что он стал соответствовать не картинам процветания, обещанного утопистами-прогрессистами прошлого, а горячечным видениям бредящего каторжника. Зло не поддавалось истреблению, не исчезло. Оно повсеместно бесчинствует в мире и все более походит на вырвавшегося из клетки хищника. Сгущающаяся тьма безысходности заставляет людей метаться, ломать руки и панически восклицать, подобно Раскольникову: «Воздуху! Воздуху!»

Но и воздух не спасает, потому что «пахнет смертью». Внутри него уже нет живой жизни, а царит мертвая смерть, синоним абсолютного небытия, где

не на что опереться ни уму, ни душе, ни мышлению, ни воображению, ни смыслу, ни ценностям, ни нормам, где все равно, все возможно и все дозволено.

В прошлом, XX веке, предельная, беспримесная в своем негативизме форма абсолютного зла обрела вид ядерного оружия. В XXI веке заявила о себе еще одна сила, чей разрушительный потенциал не уступает ядерному оружию. По сравнению с последним, издающим слишком много шума и грома, и к тому же крайне дорогостоящим, вирусные инфекции, эпидемии и пандемии — тихое, невидимое для невооруженного глаза, сравнительно дешевое, но не менее эффективное военное средство достижения абсолютным злом его далеко идущих целей. Эту воистину сатанинскую силу не останавливают ни стены, ни замки, ни средства химзащиты, ни респираторы, ни «масочные режимы», ни «социальные дистанции». Она вкрадчиво вползает, куда ей угодно, уничтожает нормы и ценности цивилизованного общежития, упраздняет права и свободы граждан, лишает людей чувства собственного достоинства. Ее сущность в том, что она с ее апофеозом искусственно нагнетаемого страха перед болезнями, страданиями и смертью не несет с собой и не распространяет вокруг себя никакого иного опыта, кроме негативного опыта деморализации и разрушения.

Бросается в глаза противоречие между достаточно ничтожными эпидемиологическими параметрами коронавируса и тем непомерным значением, которое придают ему насквозь коррумпированная Всемирная организация здравоохранения и власти большинства государств. Фабрикуемые «научные» обоснования так круто замешаны на самой вульгарной политической лжи и в них так трудно отделить правду от вымыслов, что напуганный мировой обыватель просто обречен барахтаться в этих путаных словесных тенетах, подобно мухе в паутине.

Однако большинство противоречий рассеиваются, если задаться старинным вопросом древних римлян: *cui prodest?* (кому выгодно?). Ответ на него лежит в данном случае на поверхности: максимальную выгоду от глобальной эскалации пандемии и связанных с ней фобий извлекают в первую очередь авторитарные политические режимы, а также власти государств, тяготеющих к тоталитарным методам управления. Эта выгода — в соблазнительной простоте и фантастической эффективности карантинно-ограничительных методов управления массами.

Человеку не легко и не просто подчинить своей воле другого человека, тоже обладающего волей, любящего свободу, имеющего чувство собственного достоинства, свои особые желания и многое другое. Когда же субъектов управления очень мало, а объектов управления очень много, то заставить последних делать только то, что требуется первым, почти невозможно. Особенно, если эти требования не совсем нравственные и правовые. Прямые словесные директивы будут пропускаться адресатами мимо ушей. На подкуп всех предполагаемых исполнителей у власть имущих не хватит

средств. Прямое физическое насилие червато ответными взрывами неповиновения. Одним словом, обычный арсенал методов управления масса-ми не столь велик и разнообразен, как того хотелось бы управленцам.

И вот тут объявляется поистине дьявольская находка. В дело идет старый, проверенный управленческий механизм страха. Но на этот раз им заряжается идея планетарной пандемии. При этом она облекается в гуманнейшую формулировку заботы государств о драгоценном здоровье своих граждан. Включается давняя формула о цели, оправдывающей средства. В данном случае целью (здоровьем масс) оправдываются все используемые для ее достижения правовые и неправовые, моральные и аморальные, цивилизованные и варварские средства. Используется характерный логический трюк, имеющий вид подмены.

Тезис Ханны Арендт о том, что авторитаризм лишь ограничивает свободу, а тоталитаризм ее упраздняет, позволяет увидеть в пандемии что-то вроде специально сконструированного дьявольского моста между ними. Авторитарные режимы, проходящие через ряды намеренно затягивающихся волн пандемии, покидают этот мост уже режимами вполне тоталитарными. В итоге малой кровью осуществляется самая злокачественная из всех известных социально-политических трансформаций. И хотя овцы оказываются не слишком целы, но зато волки чувствуют себя совершенно сытыми.

Пандемия — воистину находка для авторитарных режимов, мечтающих о возведении глобального жилого комплекса под названием «Дивный, новый мир». (См. классическую антиутопию, одноименный роман Олдоса Хаксли). Совершается переход от одного мирового порядка к другому. Происходит окончательный слом остаточных форм цивилизации модерна, существовавшей со времен Ренессанса и Реформации. То, что называют постмодерном, является процессом образования реальных предпосылок для утверждения качественно иного типа цивилизации — глобального пантоталитаризма.

Пандемия — того же поля ягода, что и постмодерн, т. е. сугубо негативная реальность, разрушительная по самой своей сути. Она являет собой:

- деструктивный инструмент окончательного демонтажа ценностно-нормативного «обнуления» классической цивилизации-культуры двух последних тысячелетий;
- деструктивный инструмент, практикующий гражданские войны властей ряда государств против своих народов;
- деструктивный инструмент апробации новых средств воздействия на массы и массовое сознание с целью их подготовки к жизни в условиях «вирусного» неототалитаризма;
- деструктивный инструмент атомизации общества, разрушающий устои гражданских обществ, их структуры и ценности, подрывающий основы солидарности граждан, насаждающий взаимное отчуждение;

- деструктивный инструмент борьбы с культурой, школьным и вузовским образованием, театрами, концертными залами, музеями, библиотеками, издательским делом, книготорговлей, важнейшими сферами частной, семейной жизни, цивилизованной повседневности, профессионального и товарищеского общения, традициями публичных торжеств, обрядов свадеб, похорон и т. д. и т. п.;
- деструктивный инструмент борьбы с индивидуальной и общественной нравственностью, со всеми этическими препятствиями, мешающими распространению лжи, самоубийств, преступности;
- деструктивный инструмент борьбы секулярных государств с церковной жизнью и миссионерской деятельностью.

Те, кто заинтересован в распространении пандемии, являются непримиримыми антагонистами христианских церквей и их прихожан. И это потому, что вера в Христа-Спасителя, духовно насыщенная церковная жизнь и активная церковно-гражданская деятельность способны надежно защищать личность верующего от экзистенциального одиночества и духовно-нравственной деградации.

И напротив, массовое безверие всегда служило главной дьявольской предпосылкой утверждения тоталитарных форм существования. Стратегии секуляризации готовят почву для будущего царства антихриста как планетарного сборища воинствующих богоотступников, богопротивников и богоборцев.

Злой парадокс пандемии заключается в том, что она позволяет вести тоталитарную пропаганду и практиковать тоталитарные управленческие стратегии в любых не тоталитарных обществах. Тем более, что на практике опровергнуть утверждения о необходимости ужесточения существующих социальных ограничений почти невозможно.

Ценнейшее в глазах управленцев свойство пандемии — это возможность объявлять об ее «новых волнах», когда им заблагорассудится, когда того требуют их насущные политические нужды. А поскольку нет достаточно эффективных средств против нагнетания бессмысленных ограничений и бесполезных с точки зрения здравого смысла запретов, то вполне успешно идут процессы изменений психических, этических, ментальных структур внутренних «я» людей. Они насильственно погружаются в сферы пограничного опыта несвободы, фобий и экзистенциального одиночества. В результате испытаний разнообразных форм перманентного беззакония и тотального насилия больше всего страдает массовое сознание народов, и без того пребывающее в плохой морально-этической форме.

«Трихины» пандемии, эти, как мы знаем от Достоевского, злые духи, наделенные умом и волей, распространяющие циничную ложь, запугивающие, оглупляющие, деморализующие, враждующие со здравым смыслом, принуждающие к тотальному, неукоснительному послушанию, служат удобными проводниками для самых фантастических тоталитарных ини-

циатив, подготавливают механизмы перемещений народов из нетоталитарных миров в тоталитарные.

Самые разные государства получают возможности под прикрытиями флагов «чрезвычайщины», без особых затруднений, практически беспрепятственно переходить от авторитарных моделей правления к тоталитарным, то есть от не самых плохих к самым плохим, наихудшим из всех возможных.

Значительную часть обывателей, не склонных к рефлексиям, «чрезвычайщина» не пугает, потому что над воротами в земной ад предусмотрительно расположена манящая надпись: «Дивный, новый мир». Напичканные «трихинами», ставшие по-детски доверчивыми, так и не успевшие прочесть ни Достоевского, ни Хаксли, ни Оруэлла, они с готовностью переступают роковой порог, за которым их поджидает...

Что поджидает?.. Чтобы получить авторитетный ответ на этот вопрос, достаточно открыть роман Достоевского «Бесы» и прочесть главы, где Петр Верховенский излагает умопомрачительный прожект теоретика тоталитаризма Шигалева. Вот несколько его основных пунктов:

- «Выходя из безграничной свободы, я заключаю безграничным деспотизмом»;
- «Разделение человечества на две неравные части. Одна десятая доля получает свободу личности и безграничное право над остальными девятью десятыми. Те же должны потерять личность и обратиться вроде как в стадо и при безграничном повиновении достигнуть рядом перерождений первобытной невинности, вроде как бы первобытного рая, хотя, впрочем, и будут работать»;
- «Я предлагаю не подлость, а рай, земной рай»;
- «Каждый член общества смотрит один за другим и обязан доносом. Каждый принадлежит всем, а все каждому. Все рабы и в рабстве равны. В крайних случаях клевета и убийство, а главное — равенство.
- Первым делом понижается уровень образования, наук и талантов. Высокий уровень наук и талантов доступен только высшим способностям, не надо высших способностей! Высшие способности всегда захватывали власть и были деспотами. Высшие способности не могут не быть деспотами и всегда развращали более, чем приносили пользы; их изгоняют или казнят. Цицерону отрезывается язык, Копернику выкалывают глаза, Шекспир побивается камнями»;
- «Мы пустим пьянство, сплетни, доносы; мы пустим неслыханный разврат; мы всякого гения потушим в младенчестве. Все к одному знаменателю, полное равенство»;
- «Но нужна и судорога; об этом позаботимся мы, правители... раз в тридцать лет Шигалев пускает и судорогу, и все вдруг начинают поедать друг друга, до известной черты, единственно чтобы не было скучно»;

- «Одно или два поколения разврата теперь необходимо; разврата неслыханного, подленького, когда человек обращается в гадкую, трусливую, жестокую, себялюбивую мразь, — вот чего надо! А тут еще «свеженькой кровушки», чтоб попривык»;
- «Мы провозгласим разрушение... почему, почему, опять-таки, эта идея так обаятельна! Но надо, надо косточки поразмять. Мы пустим пожары... Мы пустим легенды... и начнется смута! Раскачка такая пойдет, какой еще мир не видал... Затуманится Русь, заплачет земля по старым богам...».

Ханна Арендт, обладавшая одним из самых сильных, трезвых и отважных умов XX века, оставила наиболее пронизательное и крайне неутешительное исследование тоталитарной реальности. Обнажилась пугающая истина, которую отказываются принять и здравый смысл масс, и рассудок современных интеллектуалов-рационалистов, чья мысль, как это ни странно, часто пуглива, не желает «думать об ужасах» (См.: Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М.: 1996.) Она страшится взглянуть в глаза чудовищной реальности, не хочет согласиться с тем, что пришли времена, когда стало возможным все, в том числе кажущееся невозможным, совершенно невысказанным, абсолютно невероятным из-за своей предельно-запредельной, абсурдной, обескураживающей чудовищности.

Однако абсурд в тоталитарных государствах иррационален только снаружи. Но если его рассматривать изнутри, с позиций тех скрытых мотивов, которыми руководствуются власти, то он вполне трезв рационален и функционален. То, что представляется абсурдом, т. е. пренебрежением всеми требованиями здравого смысла, — это всего лишь одна из показательных личин абсолютного зла. И если человек этого не понимает, то в этом виноват только он сам и никто более. Значит, он так и не научился мыслить должным образом, различать добро и зло и не позволять никаким мирским авторитетам оглуплять себя.

Пандемия-XXI, давшая парадигме тоталитарности второе дыхание, вторую жизнь, — это новая глобальная форма радикального зла, избавляющая нас от многих иллюзий. Прежде всего улечивается иллюзия эфемерности тоталитарных режимов. Возникает совершенно иная реальность, в координатах которой обнаруживается, что тоталитарность — это отнюдь не скоропортящийся социально-исторический продукт, что у нее, увы, большое будущее.

Между тем, секулярные интеллектуалы в своем большинстве продолжают по инерции двигаться в привычном для них русле банальных утешительных иллюзий, будто «еще не вечер», что до настоящего «дна» еще далеко, что «не надо печалиться, вся жизнь впереди», что «все образуется», «все будет хорошо» и т. д. и т. п. Все подобные рассуждения вращаются внутри старой, привычной парадигмы успокоительной надежды на лучшее будущее земного мироустройства. Когда-то Козьма Прутков придумал этой парадигме ироническую форму трагикомического стишка:

Вянет лист.
Проходит лето.
Иней серебрится.
Юнкер Шмидт из пистолета
Хочет застрелиться.

Погоди, любезный. Снова
Зелень оживится.
Юнкер Шмидт, честное слово,
Лето возвратится.

Благодушествующие оптимисты словно вторят стихотворцу: «Все будет хорошо!» Однако история мира, лежащего во зле, не подчиняется ритмам природной цикличности. Ни бурной весне античности, ни роскошному лету Ренессанса, ни плодоносным временам расцвета зрелой художественной, философско-этической, политической, правовой мысли не дано возвратиться.

Если юнкер Шмидт не так наивен, как его поэтический утешитель, и понимает, что за возвратившимся летом неизбежно возвратится и очередная сырая, промозглая, мрачная северная осень, и депрессия может вновь нагрязнеть, то он вряд ли швырнет свой пистолет в Фонтанку.

Однако вернемся к Ханне Арендт. Она сомневается в способности либеральных сил переломить депрессивный тренд сохраняющейся в мире глобальной тоталитарности. Ими движет уверенность в том, что в государственной тоталитарности слишком много абсурдных, кафкианских, оруэлловских ферментов, чтобы она оказалась жизнеспособной и распространилась во всемирных масштабах. Потому их и одолевает искушение отделаться от всего этого навязчивого бреда с помощью «либеральных рационализаций» и утешительных нашептываний здравого смысла, призывающего «не думать об ужасах».

Происходит негативная по своей сути адаптация к «ужасам», так что люди начинают постепенно осознавать: лучше уже не будет и не стоит полагаться на успокоительные прогнозы записных оптимистов. Приходит понимание того, что уже поздно, что те опоздали. Ведь в кармане у вышедшего на историческую сцену юнкера Шмидта уже лежит пистолет. И он уже заряжен и готов выстрелить. Человечество зашло слишком далеко в своих самоубийственных намерениях. И слишком тонкая и ненадежная грань отделяет его от рокового, непоправимого шага. А тоталитарность, в каких бы видах она себя ни являла, продолжает неуклонно истончать эту грань.

Более того, приходится признать, что пандемия вместе с катастрофическими последствиями «вирусного» тоталитаризма — не самое худшее из всего, что когда-либо случилось с человечеством. Наихудшим следует считать ту духовную катастрофу, о которой в XIX веке оповестил мир Фридрих Ницше: «Бог умер». Через этого умного безумца как будто прозвучало заклятье злого духа. Люди, возомнившие, что они «убили» Бога,

оказались в дьявольской ловушке. Приняв свою невозможную, абсурдную фантазию о «смерти» Бога за истину, они провалились в пустоту прижизненного духовного небытия, в состояние духовной смерти. Открылись бездны тьмы и зла, в которые вначале заглянули, а затем начали проваливаться десятки, сотни миллионов нечестивцев, оскорблявших Бога своим неверием. Самым же поразительным оказалось то, что эти бездны не заставляют бежать от них, а совсем напротив — притягивают к себе умы и души этих миллионов, втягивают в себя их жизни. Обычную, общую для всех волю к жизни теснит массовая воля к смерти, демоническая воля к самоистреблению.

Так действует оскорбленный людьми Бог, лишивший нечестивцев Своей защиты, предоставивший их самим себе, так что в результате они оказались в плену темных сил, нависших над богоубийцами подобно гигантской Силоамской башне, накренившейся и готовой вот-вот рухнуть.

* * *

Если открыть пророческую Книгу Откровения Иоанна Богослова, то можно убедиться, что это катастрофическое повествование, эта самая динамичная из всех библейских книг имеет непосредственное отношение к нашей жизни. Описывается длинная череда символических актов, за каждым из которых следуют глобальные бедствия, обрушившиеся на землю и человечество. Сменяют друг друга четверо коней, затем происходит снятие семи печатей, потом семеро трубящих ангелов обрушивают на землю все новые и новые катастрофы, одну страшней другой. И это не локальные, а глобальные катастрофы, сокрушающие не только мировую цивилизацию, но всю мировую жизнь.

Люди, «которых имена не написаны в книге жизни» (Откр. 13:8), получают прижизненное воздаяние за бесчисленные оскорбления, которые они нанесли Господу. У них были возможности повиниться, было время покаяться. Но ни в чем «не раскаялись эти люди ни в убийствах, которые совершили, ни в колдовстве не раскаялись, ни в блуде, ни в воровстве своем» (Откр. 9:21).

«Откровение» — книга не только о завтрашнем или послезавтрашнем будущем, но и о сегодняшнем, настоящем, уже совершающимся на земле на наших глазах. Нынешние глобальные потрясения, в том числе и пандемия, — это начальные звенья цепи мировых катастроф. Нравится это кому-то или нет, но реальность такова, какой ее описывает Бог в Своем Слове. Приблизилось и уже наступило время воздаяния, время расплаты за те бесчинства, то нечестие, которые многие из людей привыкли бездумно и безответственно демонстрировать перед всевидящим Богом. А коли так, то следует «не плакать и не смеяться, а понимать», что пандемия — это не просто катастрофа, а грандиозная драматическая мистерия, через которую уже вершится нечто, доступное пониманию далеко не всех, — вершится Божье воздаяние.